

Человеческое сердце — странная штука, подумал Руань И. Одновременно и невероятно сильное, и беспомощно хрупкое. Сильное настолько, что способно неустанно стучать хоть целый век, до самого последнего вздоха. И хрупкое настолько, что от одного лишь крошечного, давно забытого обрывка воспоминаний его пронзает глухая боль.

Лу Бинчэнь прождал целую вечность. Руань И просто молча стоял, опираясь на перила, и смотрел в никуда, явно не собираясь отвечать. Бинчэнь едва заметно нахмурился.

Руань И любит его. Ну разумеется, любит — в этом Бинчэнь не сомневался ни секунды. Единственное, о чём он жалел, — о собственной спешке. Не нужно было так напористо лезть к нему с самого начала. Следовало действовать мягче, усыпить бдительность, а он показал клыки раньше времени — вот и оттолкнул.

Понаблюдав за выражением лица Руань И, Бинчэнь опустил взгляд и слегка поджал губы:

— Руань И, ну согласись, а? Раз тебе не нравилось то, что я делал раньше, я больше не буду. Дай мне ещё один шанс, ну пожалуйста?

Руань И всегда слабовольно уступал, стоило тому начать капризно канючить. Раньше пары таких ласковых интонаций хватало, чтобы Руань И мгновенно забыл любые обиды.

Руань И не удержался от тихой усмешки.

Опять этот тон.

Точно так же Лу Бинчэнь оправдывался, когда в сеть слили то тайное фото с папарацци:

«Да это друзья меня вытащили, я просто заскочил ненадолго! Даже не заметил, как эта девица ко мне притёрлась. Там просто ракурс неудачный! Я уже велел своим разобраться, чьих это рук дело. Зай, ну не сердись, а?»

И ведь так было десятки раз. Стоило Бинчэню чего-то захотеть, как он тут же включал это капризное обаяние, липнул, канючил и вымаливал своё. А Руань И... Руань И тогда казалось, что попроси Бинчэнь звезду с неба — и он достанет. В своей жизни он никого так не любил. Настолько, что в голову лезла всякая сентиментальная дурь.

Руань И чуть изогнул губы в улыбке, но глаза его оставались ледяными:

— А если я скажу «нет», ты что, бросишь эту затею?

Бинчэнь замер.

Руань И мысленно вздохнул.

Отвечать не имело никакого смысла. Можно хоть тысячу, хоть десять тысяч раз повторить это «нет» — Лу Бинчэнь всё равно не услышит. Не просто не услышит, а сделает с точностью до наоборот. Чем отчаяннее сопротивляешься, тем сильнее распаляется его азарт. Вполне возможно, если перестать отбиваться и дать ему полную свободу действий, у Бинчэня всё это перегорит дня через два.

К тому же Руань И просто устал от того, что его мысли постоянно вращаются вокруг Лу Бинчэня. Жизнь устроена просто: если кто-то из раза в раз выбивает тебя из колеи — неважно, радостью или болью, любовью или ненавистью, — возникает опасная иллюзия, будто этот человек всё ещё чертовски важен. А ведь стоит перестать беречь душу, и со временем всё само подёрнется дымкой и канет в небытие. Чем больше гадаешь да рефлексируешь, тем глубже увязаешь.

Глядя на его отрешённое лицо, Бинчэнь тихо позвал:

— Руань И...

— Хочешь бегать за мной — бегай, — Руань И медленно набрал полную грудь воздуха и выдохнул. На душе сразу стало как будто легче. Он даже слегка усмехнулся: — Если ты вбил себе это в голову, разве я смогу тебя остановить?

Бинчэнь просиял и на автомате потянулся, чтобы сжать его руку, но замер на полпути и медленно опустил ладонь.

До него внезапно дошло: Руань И больше не терпит его прикосновений.

Эта мысль обухом ударила по голове. Недавняя радость от согласия Руань И, только что казавшаяся драгоценным нефритом на сердце, от этого удара мгновенно пошла трещинами.

Бинчэнь неотрывно уставился на него. В его взгляде мешалась целая буря чувств, и хотя на губах всё ещё держалась улыбка, выглядела она горше обиды:

—... Значит, ты согласен?

— Я всего лишь сказал, что готов относиться к тебе как к обычному однокласснику, — отрезал Руань И.

"Хочешь притворяться ухажёром — да пожалуйста. Надоест — отвалишь. Мне всё равно, я буду играть роль бездушного реквизита".

Бинчэнь выдавил подобие улыбки и кивнул:

— Хорошо.

Закончив разговор, Руань И развернулся, чтобы уйти, но Бинчэнь поспешно окликнул его:

— Давай добавимся в друзья! У меня даже твоего WeChat нет.

Руань И одобрил заявку и скинул ему номер телефона:

— Я редко сижу в телефоне. Во время уроков точно отвечать не буду. Если что-то срочное — звони.

Он махнул Бинчэню рукой и направился к кабинету.

Лу Бинчэнь смотрел ему вслед. Когда расстояние между ними увеличилось, он тихо, почти шёпотом, произнёс:

— Руань И... Влюбись в меня обратно. И как можно быстрее.

Руань И на мгновение запнулся, но тут же сделал вид, будто ничего не слышал, и прибавил шаг.

На самом деле он согласился на эту «погоню» отчасти потому, что просто устал от бессмысленной войны нервов, а отчасти из соображений здравого смысла: постоянная агрессия и демонстративное неприятие выглядели бы с его стороны чересчур странно. Что бы ни вытворял Лу Бинчэнь, отношение Руань И к нему не изменится ни на йоту. Он никогда больше в него не влюбится. В этой жизни им суждено остаться чужими людьми.

Впрочем, посвящать Бинчэня в свои мысли Руань И не собирался.

Нынешний Лу Бинчэнь всё равно ничего не поймёт. Да и не захочет понимать.

В класс Руань И вошёл аккуратно со звонком.

Вернувшись за парту, он отложил сборник задач по математике и достал пособие по английской лексике.

Во время поездки на книжный рынок «Голубое небо» он, помимо профильных задачникников, прикупил свежий словарь для экзаменационного минимума — всего три тысячи пятьсот слов. Руань И рассчитывал заучивать по две сотни в день, чтобы за две недели полностью прогнать всю программу.

С самого детства он отличался феноменальной памятью: пока другие зубрили текст по два-три часа, ему хватало двадцати минут, чтобы отчеканить его от корки до корки. Вот только запоминалось всё так же быстро, как и улетучивалось. Если обычные люди помнили вызубренное месяц-другой, то Руань И без регулярного повторения забывал всё подчистую уже через неделю.

Зубрёжки он не боялся, но от мысли, что потом придётся бесконечно ходить по кругу, прогоняя материал заново, его брала тоска. Немного подумав, Руань И решил воспользоваться моментом, пока горел энтузиазмом, и удвоить нагрузку. Подняв планку с двухсот слов до четырёхсот, он с головой ушёл в учёбу.

На трибуну вышел ответственный за английский язык — Ли Сюань:

— На минуточку внимания, народ! Новость от классного. Старик Чжэн уехал на городской семинар, так что урока сегодня не будет — велел разбирать раздаточный материал. И просил передать вам кое-что лично.

С важным видом развернув и разгладив бумажку, он откашлялся и зачитал во всеуслышание:

— «Высочайшим указом Старика Чжэна повелевается: я подобрал для вас три статьи. Небольшие, но с отличным, живым языком. А на последней странице напечатал одну любопытную логическую задачку. Кто хочет — поломайте голову. Ответы разберём завтра, победителям положен приз!» Повеление оглашено!

Сложив руки на груди, Ли Сюань обвёл класс строгим взглядом:

— Ну? Что за неблагодарность? Где челобитные с изъяснением нижайшей признательности?

— Ли Сюань, ты совсем с дуба рухнул? — фыркнула Тун Тун.

Класс зашептался и дружно захохотал. Руань И тоже не удержался от улыбки.

Учитель Чжэн — а точнее, Чжэн Пэй — преподавал у них английский и по совместительству был классным руководителем. Мужчина лет тридцати, с приятным, располагающим лицом — не сказать чтобы красавец, но вызывавший симпатию с первого взгляда. Поначалу Руань И не обращал на него особого внимания, пока дело не дошло до выборов представителя предмета.

Тогда Старик Чжэн, стоя за трибуной, вальяжно протянул:

— У каждого учителя свои сильные стороны. Кто-то силен в литературе, кто-то в математике, а я...

— А вы в английском! — тут же подхватил Ли Сюань.

— Именно, — улыбнулся Чжэн Пэй. — Поздравляю, Ли Сюань. Теперь ты у нас ответственный за английский язык.

Ли Сюань обомлел и несмело поднял руку:

— Учитель... Но я же за прошлую контрольную всего сорок баллов получил!

— В работе были ошибки при подсчёте? — уточнил Чжэн Пэй.

—... Нет.

— Ещё вопросы есть?

— Нет...

— Вот и отлично, — мягко подытожил учитель. — Поздравляю. Класс, поприветствуем нашего представителя!

Ребята подхватили шутку и дружно зааплодировали. Ошарашенный Ли Сюань поднялся со своего места и принялся раскланиваться во все стороны:

— Спасибо за доверие, товарищи! Поздравляю нас всех!

Старик Чжэн считался учителем высшей категории на уровне провинции. Но даже если отбросить громкие регалии, преподавал он действительно великолепно. Руань И редко слушал учителей на уроках: во-первых, с его текущим уровнем полезнее было заниматься самообразованием, а во-вторых, многие педагоги размазывали материал так долго и нудно, что проще было разобраться самому по учебнику.

Уроки английского у Старика Чжэна были единственным исключением — их Руань И слушал от корки до корки, не отвлекаясь ни на секунду.

Для контраста, уроки математики Яо Сяоянь — Демоницы — Руань И уже после первого занятия решил использовать как тренировку помехоустойчивости: отличный способ научиться сохранять дзен и хладнокровие под оглушительный визг и ор.

Прозвенел звонок с последнего урока.

Лу Бинчэнь хмуро уставился в экран телефона.

Фан Чао, заметив, что приятель чернее тучи, подался вперёд, пытаясь заглянуть ему через плечо. Бинчэнь тут же с хлопком перевернул смартфон экраном вниз и наградил его таким ледяным взглядом, что Фан Чао втянул голову в плечи.

— Ну чего ты сразу рычишь? — пробормотал тот, скривившись. — Я просто спросил. Ходит весь день сам не свой...

Семья Лу разительно отличалась от обычных нуворишей: детей там держали в ежовых рукавицах, вбивая с детства правило — никогда не показывать эмоций. Настоящий аристократ должен сохранять невозмутимость, даже если рушится мир. Бинчэнь отродясь хмурился-то раз в год по обещанию, а уж таким дёрганым и раздражённым Фан Чао не видел его никогда.

Немного пораскинув мозгами, Фан Чао резко округлил глаза. Оглядевшись по сторонам, он наклонился к самому уху Бинчэня и едва слышно прошептал:

— Слушай... Это что, опять та баба какую-то дичь устроила?

— Нет, — сухо отрезал Бинчэнь.

Фан Чао и ещё пара близких друзей Бинчэня, знакомых с ним с детства, наотрез отказывались называть нынешнюю пассию его отца по имени — только «эта баба». Она крутилась возле Лу Юйши с давних пор и в итоге сжила со свету мать Бинчэня, доведя ту до тяжелейшей депрессии. Бедняжка отравилась снотворным прямо дома; скорая даже довезти до больницы не успела. Бинчэню тогда исполнилось всего шесть лет, а его старший брат, Лу И, только-только пошёл в старшие классы.

Вскоре после похорон Лу Юйши вознамерился ввести любовницу в дом официальной женой.

Старейшина Лу встал костью в горле: он не просто запретил бракосочетание, а потребовал немедленно вышвырнуть девку вон. Дело дошло до того, что старик лично отходил сына розгами по семейным законам — да так, что тот едва не остался калекой на левую ногу. В итоге Лу Юйши сломался, но и Старейшина пошёл на уступку: разрешил содержать бабёнку как содержанку, но без права на титул, статус и — главное — без права рожать детей с фамилией Лу.

Эта женщина не имела права появляться на публике рядом с кланом Лу.

Фан Чао подозревал, что и сама содержанка отлично всё понимала: будущее клана Лу принадлежало исключительно Лу И и Лу Бинчэню. После той грязной истории Старейшина Лу окончательно разочаровался в сыне и списал его со счетов. Львиная доля ресурсов и связей клана уже утекла к Лу И, а как только Бинчэнь встанет на ноги, братья заберут семейный бизнес под полный контроль.

Появись у той женщины хоть десяток детей, молодые хозяева стёрли бы их в порошок. Так что ей оставалось лишь сидеть тихо, не отвечивать и радоваться жизни богатой пристроенной содержанки.

Фан Чао облегчённо вздохнул:

— Ну а раз не она, чего ты тогда зубами скрипишь?

Бинчэнь ничего не ответил. Потыкав пальцем в экран, он снова открыл WeChat.

В чате с Руань И царила мёртвая тишина.

Посреди пустого экрана одиноко висело его единственное сообщение, отправленное ещё на прошлой перемене:

[Вместе поужинаем?]

Ниже — звенящая пустота, от которой на душе становилось совсем тошно.

Сжав зубы, Бинчэнь скопировал текст и принялся отправлять его раз за разом. Через пару секунд весь экран заестрел одинаковыми строчками: «Вместе поужинаем?», «Вместе поужинаем?», «Вместе поужинаем?»

Отложив телефон, он мысленно запустил обратный отсчёт.

Десять секунд. Если через десять секунд тот не ответит, он просто наберёт его номер и заставит объясниться.

Десять. Девять. Восемь. Семь...

Статус собеседника неожиданно сменился на «Печатает...». Бинчэнь мгновенно выпрямился, и в следующую секунду на экране высочила плашка:

[Я уже купил ужин.]

Словно опасаясь, что ему не поверят, Руань И прикрепил фотографию: на тетрадном листе стояли упаковка цельнозернового хлеба для тостов и стакан чистого молока. Увеличив снимок, Бинчэнь разглядел на краю тетради дату проверки домашнего задания — сегодняшний день.

Поставив точку в этой немой дуэли, Бинчэнь два мгновения смотрел на экран, затем медленно отложил телефон и мысленно, иероглиф за иероглифом, десять раз вывел в голове слово «ТЕРПЕНИЕ».

<http://bllate.org/book/20540/2112113>